

УДК 332.12

DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052

Коронакризис и трансформация потребительского спроса в регионах России

Наталья Андреевна Рослякова

кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Институт проблем управления РАН;
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Профсоюзная, 65;
e-mail: roslyakovaNA@gmail.com

Инна Васильевна Митрофанова

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
лаборатория региональной экономики,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН;
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, просп. Чехова, 41,
профессор кафедры экономической теории, мировой
и региональной экономики,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. Университетский, 100
e-mail: mitrofanova@volsu.ru

Людмила Владимировна Дорофеева

кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Северо-западный институт управления СЗИУ РАНХиГС,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О. д. 57/43;
e-mail: dorofeevalucy@gmail.com

Аннотация

Кризис, разразившийся в связи с новой коронавирусной инфекции (COVID-19) резко изменил привычные условия жизни. Ограничилась мобильность как в широком смысле, связанная с командировками и туристическими поездками, так и в узком, потребность самоизоляции сузила ареал обитания современного горожанина до похода в ближайший магазин. Уже сейчас наблюдаются существенные изменения в характере функционирования экономики городов.

Цель работы состоит в анализе сложившихся тенденций спроса в регионах России и оценке их трансформаций в кризисный период, с учётом региональных особенностей. Для этого необходимо охарактеризовать сложившиеся тенденции социально-экономического развития регионов России; определить факторы наиболее подверженные действию

кризисных трансформаций, в том числе связанных коронакризисом; выявить возможные направления совершенствования социально-экономических тенденций.

В результате проведённой кластеризации было обосновано выделение пяти групп регионов, различных по своему размеру, которые получили условные названия: Ниже среднего (кластер 1), Столичные (кластер 2), Депрессивные (кластер 3), Ресурсные (кластер 4) и Выше среднего (кластер 5). На основе проведённого анализа был сделан вывод о том, что регионы значимо отличаются по параметрам кластеризации и имеют различные тенденции и территориальные пропорции. В частности, для каждого кластера были выделены товарные категории – бенчмарки, через которые возможно отследить смену потребительских тенденций в регионах. Также намечены отдельные направления, которые могут способствовать стабилизации уровня доходов населения. В целом, обосновано, что распространение коронавирусной инфекции и ограничений, связанных с ней, существенно меняет жизнь и векторы восстановления прежних процессов потребления связаны с развитие цифровой сферы, социальной и транспортной инфраструктуры.

Для цитирования в научных исследованиях:

Рослякова Н. А., Митрофанова И. В., Дорофеева Л. В. Коронакризис и трансформация потребительского спроса в регионах России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 5А. С. 448-468. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052

Ключевые слова

Регионы России, коронавирус, кластеризация, потребительские модели, социально-экономические тенденции, социально-экономические трансформации, доходы населения, расходы населения.

Введение

Кризис, разразившийся в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) уже сейчас резко изменил ставшие привычными за последние 10-15 лет условия жизни. Резко ограничилась мобильность населения как в широком смысле, связанная со свободным передвижением по миру, так и в узком, потребность самоизоляции сузила ареал обитания современного горожанина до похода в ближайший магазин. Уже сейчас наблюдаются существенные изменения в характере функционирования экономики городов. На несколько месяцев оказываются закрытыми гостиницы, туристические объекты. При этом прибыль и налоговые поступления от их деятельности составляют весьма существенную часть доходов населения и бюджетов таких городов как Санкт-Петербург, Казань, Краснодар, Сочи, Симферополь. Закрытые кафе и рестораны, закрытые границы европейских государств существенно меняют образ жизни жителей крупнейших городов России, в первую очередь, Москвы и Санкт-Петербурга. Кардинальным образом изменилось положение крупнейших аэропортов страны, которые из-за отмены международных рейсов ещё в марте – апреле потеряли от 10 до 90% пассажиров. В частности, очень сильно пострадал аэропорт Жуковский, в котором международные рейсы составляли подавляющее большинство. При сохранении карантинных ограничений в мае, который традиционно в России отличается повышенным спросом на перелёты, и на летний период прогнозируется суммарное падение пассажиропотока

на 60% [Волобуев, 2020]. Колоссальная инфраструктура, отстроенная для обслуживания большого, в том числе и транзитного из Китая, потока пассажиров, в сущности, оказывается невостребованной.

В этом отношении большой исследовательский интерес представляет анализ сложившихся тенденций спроса в регионах России и их трансформация в кризисный период, в соответствии с региональными особенностями.

Обзор литературы и методология кластеризации

Первые идеи анализа спроса и в целом потребительских предпочтений относятся к началу формирования классической экономической школы, родоначальником которой является Адам Смит. Наибольший интерес в этом вопросе вызывают исследования Томаса Мальтуса. Контекстом его работы являлась оценка динамики народонаселения и продовольствия в Великобритании. Оценивая темпы развития двух названных процессов, исследователь приходит к выводу, что со временем территория страны и продукт, производимый здесь, окажется недостаточен для возросшего населения [Мальтус, 2007]. В терминах современной науки можно сказать, что Т. Мальтус трактует продовольствие как предельный ресурс, который является ограничивающим для развития какого-либо процесса, то есть с исчерпанием предельного ресурса (продовольствия) возникают условия для голода и социальных потрясений. В ходе дальнейших исследований Т. Мальтус приходит к выводу, что различные социальные страты вносят различный вклад в процесс роста народонаселения. Так население с низким уровнем образования и дохода безусловную ценность видят в возможности рождения и воспитания детей, поэтому дополнительный доход направляется ими на реализацию этой ценностной установки. Этому есть весьма естественно и логичное объяснение, которое связано с ростом устойчивости и выживаемости семьи, где больше детей (потенциальных добытчиков дохода). С другой стороны, население, которое уже имеет больший уровень образования, квалификации (статуса), жизни, не стремится увеличение дохода направить на рост рождаемости и воспитание детей. Ключевыми установками для этой страты является рост спроса на товары, повышающие качество жизни, социальный статус и т.п.

Краеугольным камнем теорий потребления является доход. Новую аргументацию в теорию о спросе и потреблении внёс Дж. М. Кейнс, который обосновал различие поведения населения в долгосрочном и краткосрочном периоде, обосновав понятия средней и предельной склонности к сбережению и потреблению. Так в краткосрочном периоде средняя склонность к потреблению убывает, поскольку с ростом доходов люди не стремятся перенаправить на потребление весь возникший прирост, а напротив предпочитают ускоренно накапливать средства (то есть, растёт склонность к сбережению) [Ниворожкина, Торопова, 2015]. В долгосрочном горизонте средняя склонность к потреблению стабилизируется, поскольку более выраженное влияние на потребительские расходы приобретают и прочие факторы, например, ожидаемый доход [Кейнс, 1978]. Также, очевидно, что по мере роста доходов всё меньшая часть будет направляться на прирост потребления, следовательно, средняя склонность к потреблению (учитывающая объём текущих доходов, Y) окажется выше предельной склонности к потреблению (учитывающей изменение доходов, ΔY):

$$\frac{C}{Y} > \frac{\Delta C}{\Delta Y}; c > c' \quad (1),$$

где C – уровень потребления; Y – уровень дохода; ΔC и ΔY – изменение в некоторый промежуток времени уровня потребления и доходов, соответственно; c – коэффициент средней склонности к потреблению; c' – коэффициент предельной склонности к потреблению.

По мере социально-экономической стабилизации во второй половине 20 века и стремительного роста благосостояния в сфере теорий потребления оформились новые взгляды, которые главнейшими факторами, определяющими текущее потребление, считали совокупный доход, который индивид предполагает получить на протяжении всей жизни.

Примечательна здесь модель жизненного цикла Ф. Модильяни [Modigliani, 1986], которая наряду с доходом учитывает и имеющийся у индивида капитал (накопления), который позволяет поддерживать уровень потребления в периоды сокращения доходов (кризисы, выход на пенсию). Таким образом, трансформируется описанная Дж. М. Кейнсом формула склонности к потреблению:

$$C = \alpha * W + \beta * Y \quad (2),$$

где, W – богатство или накопления, которыми обладает индивид, α – средняя склонность потребления по накопленному богатству, β – средняя склонность потребления по доходу (соответствует параметру «с», выделенному Дж. М. Кейнсом). То есть, Ф. Модильяни исходит из предположения, что потребление примерно пропорционально во все годы жизни. Однако, в начале жизни это в большей степени поддерживается за счёт кредита и использования богатства старших поколений, а по мере взросления и роста доходов человек покрывает кредиты и накапливает капитал для использования его в старости и передачи по наследству.

Несколько иной взгляд на потребительское поведение оформлено в идее постоянного дохода, сформулированные в работах М. Фридмана. Базовое предположение заключается в том, что индивид имеет представление о том, на какой уровень дохода он может рассчитывать в любой момент времени своей жизни [Югай, 2012; Friedman, 1957]. Именно эта величина считается постоянным доходом по М. Фридмену. Ключевым отличием от всех ранее существовавших теории включалось в том, что подобный доход формируют не только заработная плата и доход от материальных активов, но и финансовые активы, которые прежде не рассматривались в качестве аналогов наличных денег [Блауг, 1994].

Развитие этих идей послужило серьёзным научно-философским обоснованием развития сектора потребительского кредитования, которое развивалось в США в рамках так называемой «рейганомики». Формирование и расширение потребительского кредита стабилизировало ожидания постоянного дохода на более высоком уровне и в целом способствовало росту потребления общества. Очевидным следствием является существенный рост уровня жизни в странах, которые активно включились в процесс развития потребительского кредита и превращения его в важнейший фактор стимулирования производства. Наиболее яркие примеры реализации подобной модели – это стран западной Европы и США. Однако обратной стороной данной модели является колоссальный рост уровня закредитованности населения этих стран. В конечном итоге получается ситуация, что люди передают по наследству не капитал и активы, который могут поддержать молодое поколение, а долги, которые будущие поколения должны погасить. Так, в 2019 году уровень потребительской закредитованности (общая задолженность заёмщиков, отнесённая к их совокупному годовому доходу) в странах технологических лидерах близка к 100%: в Германии (93%), Японии (106%), США (109%). Однако скандинавские страны превосходят этот уровень: Норвегия (238%), Нидерланды (243%), Дания (281%). Для сравнения

уровень закредитованности в России составляет 28% [Карта кредитной, 2020; Цегоев, Иванов, 2020; Household debt, 2020].

Пандемия коронавируса и связанная с ней остановки экономической деятельности во всём мире может самым существенным образом сказаться на благосостоянии и уровне доходов населения не только в России. В частности, существуют оценки, что задолженность домашних хозяйств может ещё существенно увеличиться [Анисимова, 2020]. Во многих странах мира разрабатываются специальные меры поддержки населения на фоне роста безработицы. Здесь ситуация наиболее остро стоит в США, где за одну неделю с 15 по 22 марта количество запросов на пособия по безработице увеличилось почти в 12 раз (с 282 тыс. чел до 3.3 млн. чел). А в следующую неделю (22-29 марта 2020 г.) появилось ещё 6.8 млн. безработных [40 миллионов, 2020]. Общая же цифра достигла 40 млн. чел.

Несомненно, эти неблагоприятные тенденции имеют место и в России, поэтому нашими задачами стали: исследование характера сложившихся тенденций социально-экономического развития регионов России; определение факторов наибольшей уязвимости в отношении трансформаций, связанных с распространением коронавирусной инфекции (масштабная остановка деятельности, ограничительные меры, самоизоляция, сокращение доходов и т.п.); выявление возможных направлений трансформации социально-экономических тенденций и обоснование мер по их регулированию.

Для решения поставленных задач необходима предварительная группировка регионов России и формирование из них более однородных по социально-экономическим показателям групп. Это оправдано, во-первых, огромным пространством и существенными отличиями природно-климатических и ресурсных условий (то, что в концепции П. Кругмана относится к факторам «первой» природы). Во-вторых, несомненное различие имеется и в факторах «второй» природы, в числе которых высокая плотность населения и экономической деятельности, обуславливающая агломерационные эффекты и экономию на масштабе; развитая инфраструктура, причём и транспортно-экономическая, и социальная, которые уменьшают транзакционные издержки, облегчая формирование новых экономических и социальных отношений (и ряд других, подробнее смотри [Зубаревич, 2011]). И, в-третьих, практика регионального управления на протяжении 1990-2000-х гг., основанная на позициях глобальной конкурентоспособности и примате международной торговли, привела к нарастанию региональных диспропорции. То есть, можно сказать, что в регионах с распадом СССР комплекс воспроизводственных отношений в новых рыночных условиях ещё не был до конца сформирован, но уже начали воспроизводиться и закрепляться несовершенные пропорции. Усиление и закрепление этих неблагоприятных пропорций проявляется в том, что единичные регионы России привлекательны для населения и капитала (гг. Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Свердловская область), а все прочие сталкиваются с их интенсивным оттоком.

На первоначальном этапе были отобраны показатели для проведения кластеризации. Основной задачей здесь стало объединение показателей чисто экономических, которые определяют направленность, мощности и потенциал экономики региона, и показателей, отражающих уровень развития социальной среды (ключевые блоки представлены на рис. 1).

Показателем для отражения уровня и потенциала экономики региона стал ВРП, а структура и ориентированность экономики была задана через занятость в различных видах экономической деятельности. Среди показателей демографии: выступила структура городского и сельского населения регионов, а также коэффициенты миграционной и демографической нагрузки.

Уровень благосостояния оценивался через уровень доходов, структур социальных групп, отличающихся по уровню дохода, структуру расходов по основным товарным категориям. Параметры качества социально среды были заданы через обеспеченность населения учреждениями для дошкольного образования и больничными местами. В сего в кластеризации использовалось 28 показателей, собранные для 2018 года, по информации, представленной в официальных статистических источниках [Регионы России, 2019].

Примечание. Составлено авторами

Рисунок 1 - Структура показателей для оценки уровня социально-экономического развития регионов России

Методика кластеризации широко применяется в социально-экономических науках. Применительно к кластеризации регионов особую ценность данного метода составляет возможность получить бенчмарки (эталонные оценки) региона определённого типа и оценить степень приближения реальных параметров к этой центральной (эталонной оценке). Также на этом основании возможно определять направления управленческих воздействий, в которых необходимо вести работу для обеспечения развития региона. В частности, можно привести работы [Марченко, Белова, 2016], где авторы исследуют энергоэффективность регионов и выделяют характерные для каждой из трёх выделенных групп особенности, которые необходимо учитывать при формировании политики производства, распределения и использования электроэнергии в России. Исследование [Луныкова, Лаврушин, Луныков, 2018] направлено на анализ устойчивости депозитов в регионах России и оценку возможности их трансформации в инвестиционные ресурсы. Кластеризация в данном случае применится, чтобы выявить группы регионов с различными внутренними связями между показателями риска и отличными механизмами трансформации накоплений в инвестиции. В работе [Айвазян, Афанасьев, Кудров, 2016] авторы доказали гипотезу значимости различий (по группам

регионов) моделей производственного потенциала в зависимости от величины накопленных основных фондов и численности занятых в отраслях экономики. Выделены регионы со смешанной специализацией и специализацией на добывающей промышленности, которые в большей степени чувствительны к изменению основных фондов. С другой стороны, группы регионов со специализацией на сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности показали высокую чувствительность к изменению численности занятых.

Также на этом этапе была произведена проверка возможности совместного использования всех показателей. Через оценку корреляционной матрицы проверялась гипотеза о коллинеарности факторов. Критерием признания двух факторов коллинеарным был уровень коэффициента корреляции (r) равный $|0.7|$. В результате построения корреляционной матрицы гипотеза о коллинеарности была отклонена, и мы получили систему независимых переменных для дальнейшего анализа.

Следующим этапом на основе обобщённых данных была проведена группировка с помощью методов кластеризации. На данном этапе встал вопрос о масштабировании всех участвующих в кластеризации параметров и приведение их к единой размерности. Здесь важно обратить внимание, что в случае наших показателей мы имеем два типа величин: 1) которые принимают только положительные значения (большинство показателей, например, ВРП, доходы и т.д.); 2) показатели изменения прироста, которые принимают как положительные, так и отрицательные значения. К последним относится три показателя: коэффициент миграционного прироста, прирост (уменьшение) финансовых активов и денег у населения. Поэтому для нормализации параметров мы воспользовались двумя подходами. Большинство показателей мы нормировали через отношение к максимальному значению по формуле (3):

$$z_i = \frac{x_i}{x_{\max}} \quad (3),$$

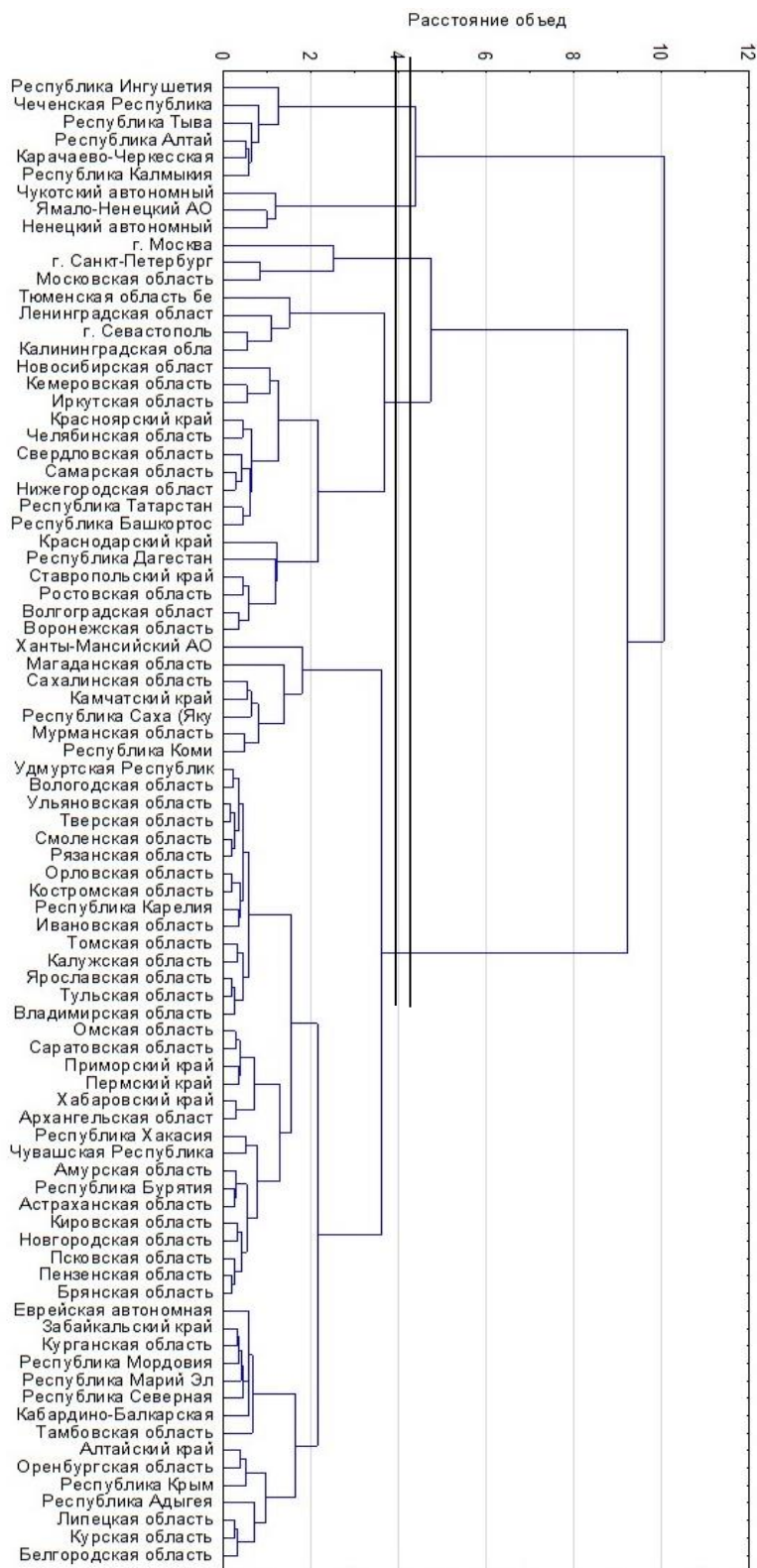
где, z_i – новая нормализованная оценка некоторого параметра, x_i – исходные данные для некоторого параметра, x_{\max} – максимальное значение некоторого параметра. То есть итоговые нормализованные оценки представляют собой степень достижения различные регионами максимального значения параметра, соответственно, диапазон изменений оценок варьирует в пределах от 0 до 1.

Для трёх выделенных параметров применение описанного выше способа нормализации невозможно, так как данные с разным знаком, но равные по модулю получают одну и ту же оценку, что расходится с логикой. Поэтому для их нормализации мы использовали формулу (4):

$$z_i = \frac{x_i - \frac{x_{\max} + x_{\min}}{2}}{\frac{x_{\max} - x_{\min}}{2}} = \frac{2x_i - (x_{\max} + x_{\min})}{x_{\max} - x_{\min}} \quad (4),$$

где, x_{\min} – минимальное значение некоторого параметра. Из формулы (4) видно, что она позволяет учесть весь диапазон данных, которые находятся между максимальным положительным значением и минимальным отрицательным, и провести нормирование относительно этого диапазона. В конечном итоге получаемые оценки имеют размерность в пределах от -1 до 1.

На следующем этапе была проведена поисковая кластеризация по методу Варда (ниже на рисунке 2 представлена дендрограмма кластеризации).

Примечание. Составлено авторами

Рисунок 2 - Дендрограмма объединения регионов РФ в кластеры (Евклидово расстояние)

Из данных рисунка 2 хорошо видно разделение на 3 кластера (также далее по тексту будет использоваться термин «группы», который следует воспринимать как синоним). В случае выделения 4 кластеров (отмечено линией 1 на рисунке 2) образуются две группы: столичные регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) и развитые регионы (Тюменская область без АО, Ленинградская области и т.д.). Однако в этом случае в одну группу попадают национальные республики (Ингушетия, Чечня и т.д.) и автономные округа (Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий АО), что кажется не вполне оправданным, если учесть отличия в характере расселения и структуре хозяйства. Поэтому было принято решение выделить 5 кластеров, чтобы данные регионы также были разбиты на две отдельные группы. Это соответствует делению по линии 2 на рисунке 2.

Следующим этапом стала кластеризация по методу к-средних с выделением 5 кластеров, которая позволила уточнить состав кластеров, получить оценки дисперсионного анализа для рассматриваемых переменных, и оценить параметры переменных в каждом кластере. Распределение регионов по кластерам и отдельные параметры для регионов представлен ниже в таблице 1.

Таблица 1 - Типовые регионы и основные характеристики пяти выделенных кластеров

Регионы	Кол-во регионов	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.	Среднедушевые реальные денежные доходы населения в месяц, тыс. руб.	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %
Ульяновская область (кластер 1)	55	280.0	22.8	15.3
среднее по кластеру 1		432.0	27.1	14.6
г. Санкт-Петербург (кластер 2)	3	781.2	45.0	6.6
среднее по кластеру 2		920.4	52.7	6.9
Карачаево-Черкесская Республика (кластер 3)	6	165.4	18.1	22.9
среднее по кластеру 3		187.4	18.3	26.0
Ямало-Ненецкий АО (кластер 4)	5	5710.1	79.4	5.8
среднее по кластеру 4		3623.2	69.5	8.6
Воронежская область (кластер 5)	16	404.8	30.3	8.9
среднее по кластеру 5		471.0	29.3	12.0

Примечание. Составлено авторами

В первую очередь, следует отметить, что для всех рассмотренных показатели дисперсионный анализ показывает значимость проведенной кластеризации. Из таблицы 1 видно существенное различие типовых регионов между собой и неравномерность распределения по группам, так малочисленной является группа регионов с высоким уровнем ВРП (кластер 4 (ресурсные регионы)) и группа регионов с высоким уровнем жизни и качеством социальной среды (кластер 2 (столичные регионы)). Однако, нужно заметить, что регионы, находящиеся на противоположном полюсе, то есть, с наименьшим ВРП и высоким уровнем бедности, также немногочисленные и представлены только национальными республиками (кластер 3

(депрессивные регионы)), что вероятно связано с преобладанием традиционных способов ведения хозяйства. Особый интерес для дальнейшего более детального исследования представляют более представительные группы регионов (кластеры 1 (ниже среднего) и 5 (выше среднего)).

Описание кластеров

Наиболее показательными являются группы 2-4. Группа 2 – столичные регионы, которые имеют относительно высокие показатели ВРП и доходов, но особенно выделяются благополучным социальным положением, что выражается в самом низком уровне бедности. Это подтверждается и высоким положительным коэффициентом миграционного прироста (КМП), который составляет 90.3 на 10 тыс. чел. населения. Группа 3 – противоположность группы 2 – регионы, для которых характерен крайне низкий уровень развития экономики, низкий уровень доходов населения и самая высокая доля бедного населения, что провоцирует отток (КМП - 27.2). При этом более высокие доходы, связанный с ними более низкий уровень бедности смещают эти регионы из группы депрессивных в группу ниже среднего, что характерно для Республик Адыгея, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Алании). Группа 4 представлена малонаселёнными регионами с интенсивным оттоком населения (КМП -56.2), однако преобладание добывающей промышленности делает регионы лидерами по уровню ВРП, доходов и заработных плат. Здесь преобладает вахтовый способ работы, а, следовательно, накопление и вывоз денег за границы регионов данной группы. То есть, важно понимать, что заработные платы, которые формируются в регионах группы 4 расходуются преимущественно за пределами этой группы регионов. В этом плане относительно высокая транспортная связанность Мурманской области и юга Республики Саха (где сконцентрирована основная экономическая деятельность региона), которые включены в транспортную сеть России через автомобильное и железнодорожное сообщение, дестимулирует формирование повышенных заработных плат в этих регионах. В итоге именно по этому параметру регионы попадают не в группу Ресурсных, а в регионы ниже среднего. Если говорить о продукции, производимой в этих регионах, то она также преимущественно попадает на экспорт, что также выключает её из воспроизводственного процесса регионов кластера 4, в частности, и Российской Федерации в целом.

Наиболее многочисленные группы 1 и 5 при сопоставимом уровне ВРП, доходов и бедности демонстрируют принципиальное отличие демографических тенденций. Для регионов первой группы характерен интенсивный отток населения (КМП составляет -26). Также низкий уровень доходов населения приводит к тому, что регионы с ВРП на уровне выше среднего оказываются в данной группе, это касается особенно Кемеровской, Оренбургской и отчасти Курганской областей. То есть имеет место ситуация, когда небольшой объём ВРП соотносится с небольшой численностью населения.

Группа 5, напротив, имеет положительный баланс населения (КМП составляет 22,3), следовательно, можно понимать, что экономика данных регионов имеет большой потенциал, а рынок труда может воспринимать приток населения и трудовой силы. Условно можно сказать, что из регионов группы 1 население стремится в регионы группы 5 (и регионы группы 2, разумеется). Однако, для регионов данной группы характерно, что 80-90% дохода направляется на товары и услуги, а изменения финансовых активов и денег у населения незначительные (исходя из этих параметров Республика Дагестан попала в группу выше среднего). Это отличает

группу регионов выше среднего от депрессивных, где доля средств направляемы на товары и услуги составляет около 64%, а прирост финансовых активов и денег у населения выше на уровне 25%.

Тенденции и факторы развития потребительского спроса в регионах России

Вследствие распространения коронавируса до конца 2020 года, и вероятно в ближайшие несколько лет потребление может сдерживаться падением покупательной способности населения, очевидно, что этот процесс не будет однородным для всех регионов. Еще одним сдерживающим фактором может стать глобальный экономический кризис, предпосылки которого мы могли наблюдать в период с 2014 по 2019 гг. Глобальные институты, такие как Всемирная торговая организация, ООН и др. демонстрируют неспособность сдерживать протекционистские настроения отдельных стран, что приводит к обострению «торговых войн». Для выявления сложившихся потребительских моделей следует рассмотреть социально-экономическое состояние каждого кластера и сопоставить его с общероссийским (таблица 2).

Обращают на себя внимание следующие пропорции:

1) доля среднегодовой численности занятых выше доли численности населения (относительно уровня РФ) в двух кластерах Столичные и Ресурсные регионы, здесь наблюдается более высокий уровень доходов, потребления и расходов населения;

2) для кластеров Ниже среднего и Выше среднего среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций сопоставима (81,5% и 80,1%, соответственно), но при этом обратная ситуация наблюдается по показателю среднедушевые денежные доходы, которые ощутимо больше в кластере Выше среднего (88,3% против 81,8%). Анализ статистики по уровню кредитной нагрузки населения свидетельствует, что регионы кластера Выше среднего являются лидерами в этой сфере и имеют совокупную задолженность около 55% от среднегодового уровня доходов [Рейтинг регионов ..., 2019]. То есть, следует понимать, что повышенный спрос население здесь финансирует кредитными ресурсами и своими будущими доходами;

Таблица 2 - Территориальные пропорции отдельных социально-экономических показателей для пяти кластеров и наиболее типичных регионов в них

	Числ-ть насел. на 01.01.2019, тыс. чел.	Среднегод. числ-ть занятых, тыс. чел.	Ден. доходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	Потреб. расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	Среднемес-я номин. начисл. з. плата, руб.	Оборот розной торговли, млрд. руб.
Российская Федерация	146780,7	71561,7	33178,0	26780,0	43724,0	31579,4
Ульяновская область	1238,4	570,9	22797	18052,0	28353,0	187,4
Сред. значение кластер НИЖЕ СРЕДНЕГО	1159,4	531,8	27140,7	21666,7	35633,5	202,4
Доля от уровня РФ	43,4	40,9	81,8	80,9	81,5	35,3
г. Санкт-Петербург	5383,9	3151,6	44999	36774,0	60421,0	1412,4

	Числ-ть насел. на 01.01.2019, тыс. чел.	Среднегод. числ-ть занятых, тыс. чел.	Ден. доходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	Потреб. расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	Среднемес-я начисл. з. плата, руб.	Оборот розной торговли, млрд. руб.
Сред. значение кластер СТОЛИЧНЫЕ	8533,0	5125,2	52697,3	42034,3	65386,7	2855,4
Доля от уровня РФ	17,4	21,5	158,8	157,0	149,5	27,1
Карачаево-Черкесская	465,6	174,7	18051	11121,0	25430,0	38,4
Сред. значение кластер ДЕПРЕССИЯ	539,3	194,9	18266,5	11749,2	28292,5	50,3
Доля от уровня РФ	2,2	1,6	55,1	43,9	64,7	1,0
Ямало-Ненецкий	541,5	417,7	79398	35341,0	97204,0	138,5
Сред. значение кластер РЕСУРСНЫЕ	488,0	332,0	69450,0	32904,0	87076,2	122,1
Доля от уровня РФ	1,7	2,3	209,3	122,9	199,1	1,9
Воронежская область	2327,8	1110,2	30289,0	26530	31207,0	552,3
Сред. значение кластер ВЫШЕ СРЕДНЕГО	3233,7	1506,8	29281,4	25023,7	35023,7	685,5
Доля от уровня РФ	35,2	33,7	88,3	93,4	80,1	34,7

Примечание. Составлено авторами

3) для Ресурсного кластера характерен более высокий уровень доходов и заработной платы даже относительно Столичного кластера (209,3% и 199,1% против 158,8% и 149,5%). При этом уровень потребительских расходов гораздо выше в Столичном кластере (157,5% против 122,9%), то есть, имеет место ситуация, когда в Ресурсных регионах зарабатывают (вахтовым методом), чтобы тратить в других регионах, что подтверждается исследованием тенденций валютных накоплений [Roslyakova, Prokopyev, Kurilo, 2019; Russkova, Mitrofanova, Vatyukova, Ivanov, Vatmanova, 2017]. Население же Столичного кластера зарабатывает и тратит деньги в одной и той же локации;

4) отношение доли кластера по обороту розничной торговли к доле по численности населения свидетельствует о наличии достаточной торговой инфраструктуры в кластерах, и, в целом, об уровне развития потребительского рынка как такового. Для кластера Выше среднего эти доли наиболее сбалансированы (соотношение 0.99). Для кластеров Депрессия и Ниже среднего обеспеченность населения розничным товарооборотом ниже на 57 и 19%, соответственно. С другой стороны, для Столичного и Ресурсного кластера эти пропорции значительно выше, что в случае с Ресурсными регионами скорее свидетельствует об относительно высоком уровне цен. В случае Столичных регионов имеет место не только более высокий уровень цен, но и действительно более высокий уровень потепления (подробнее об этом ниже). Обобщение тенденций в виде инфографики можно увидеть на рисунке 3 (приложение).

Переходя к анализу структуры дохода (таблица 4, приложение) можно сказать, что основную долю в доходах населения России составляют заработная плата и социальные выплаты, в 2019 году на них приходилось 76,5% совокупного дохода населения. Для Ресурсного кластера 2019 году доход от заработной платы и социальных пособий составлял 94,4%, в то время как для Депрессивного кластера показатель составлял 72,7%, что свидетельствует о более низком уровне заработных плат в эти регионах, существенно сдерживая потребление, что было отмечено выше. Также, объяснимо, что в Депрессивном кластере пособия играют наиболее значимую роль в доходах населения: 29%. Для сравнения заработная плата составляет менее половины дохода и лишь на 15% превосходит уровень пособий (44%). Вероятно, именно эти ограниченные возможности по легальному трудоустройству ведут к тому, что люди стремятся осуществлять предпринимательскую деятельность или получить теневой доход. Данные регионы имеют наибольшую в России долю дохода от предпринимательской деятельности (8,4% при среднероссийском уровне в 6,1%). То есть следует понимать, что наиболее активно предпринимательство развивается не в тех регионах, где сделаны максимальные усилия для формирования предпринимательской среды, а там, где ограничены другие возможности заработка и получения дохода. То есть, можно сказать, что нужда и ограничения иных источников является более серьёзным стимулом, нежели благоприятные условия. Ещё одним фактором, стимулирующим предпринимательство, является недостаточный для крупного бизнеса уровень покупательной способности населения и, соответственно, его отсутствие в данной группе регионов, что несомненно ведёт к снижению конкуренции в сегменте розничной торговли и сфере услуг. При этом не следует воспринимать этот вывод как элемент обоснования того, что необходимо стремиться к тому, чтобы во всех кластерах возникла нужда, которая будет стимулировать предприимчивость и предпринимательство населения. Однако, следует заметить, что «коронакризис», который активно развивается сейчас во всём мире поставит перед многими гражданами вопрос сокращения дохода. И вектор выхода в вынужденное предпринимательство (подробнее об этом в [Александрова, Верховская, 2016]), а также существенное сокращение работы сетевых торговых структур (связанное с невозможностью нести издержки на поддержание работы отдельных пунктов продаж по всей России) может быть актуальным не только для Депрессивного кластера, но и кластера Ниже среднего, где экономика и до кризиса была относительно слабой. Также мы хотим обратить внимание на то, что вероятнее всего при реализации небольших усилий по организации более благоприятных институциональных условий и предпринимательской среды, наибольших результатов следует ожидать именно в этих регионах, так как предпринимательская активность здесь уже на более высоком уровне.

В структуре расходов (таблица 5, приложение) около 60% потребления населения уходит на обязательные траты. Неблагоприятная ситуация с доходами в кластере Депрессивных регионов отражается и в структуре расходов, здесь только на продукты питания уходит более трети (37,1%) дохода, при среднероссийском уровне в 30,2%.

Если говорить о расходах на коммунальные платежи (услуг ЖКХ), то, очевидно, что в наиболее выигрышном положении за счёт концентрации населения находится кластер Столичных регионов. Здесь расходы составляют 10,6%, при общероссийском уровне в 11,1%. Здесь можно ожидать существенных трансформаций в ближайшие 5 лет, так как коронавирусная инфекция продемонстрировала острые проблемы совместного пребывания в мегаполисах. Это проявилось и в более высоком уровне заболеваемости, и в пиковых нагрузках на медицинских учреждениях, и в невозможности организовать посещение общественных мест с

соблюдением требуемых мер безопасности. В этой сфере можно ожидать и относительных рост тарифов на услуги ЖКХ, как минимум за счёт роста потребностей в дезинфекции, уборке, и роста количества времени, проводимого жителями в своих квартирах. В более широком плане можно ожидать вектора на снижения концентрации населения, и сопровождающее его наращивание социальной дистанции и обеспеченности разнообразной социальной инфраструктурой, что может привести к повышению удельных расходов по обслуживанию городского и социального хозяйства. Наибольшую долю расходы на ЖКХ занимают в малонаселённых регионах Ресурсного кластера (12,8%), которые могут отчасти (суровый климат и отдалённость от центральных районов страны) стать центрами привлечения постоянного населения, при условии наращивания социальных сервисов, развитии инфраструктуры.

В настоящее время в группе Ресурсных регионов наименьшая доля расходов на здравоохранение (2,5%), отчасти это обусловлено низким уровнем развития системы здравоохранения. С другой стороны, при значительной доле вахтовых работников нужно понимать, что они стремятся потреблять эти услуги в других регионах (по месту постоянного жительства данные) или использовать государственные медицинские учреждения. Из-за достаточно низкой плотности населения и вахтового характера работы большинства предприятий, развитие коммерческой медицины становится затруднительным (нет достаточной емкости рынка). Наибольшая доля расходов на здравоохранение в кластере Ниже среднего (4%), что вероятно связано с недостаточным развитием медицинской инфраструктуры и её сжатием, из-за интенсивного оттока населения. При этом часть населения других кластеров (в том числе и то, которое переехало из регионов данной группы) стремится получить услуги в регионах группы Ниже среднего из-за более низкой стоимости.

Также примечателен уровень расходов на образование в кластере Выше среднего (0,9%). Выше было обосновано, что регионы имеют возможности к накоплению, что может быть направлено на повышение уровня образования. В конечном итоге, более высокий уровень образования повышает возможность для роста заработка как в регионах данного кластера, так как здесь имеется мощная экономика с высоким потенциалом, так и при переезде в Столичные регионы.

Среди расходов на товары не обязательного спроса стоит отметить:

1. высокую долю необязательных расходов (около 37%) в Столичном кластере. Превышенные расходы на кафе (4,7%) и отдых (10,9%) относительно всех других регионов России, что характеризует сложившийся стиль жизни с большой опорой на общественные места питания и отдыха, который претерпит существенные изменения вследствие пандемии;

2. в группе Депрессивных регионов из-за низких уровней доходов формируются повышенные доли расходов на одежду 10,5% и предметы домашнего обихода 6,9%. Также можно сказать, что в эти товарные категории население регионов направляет излишек денежных средств, то есть, уровень и качество жизни расширяются в первую очередь за их счёт. В обратной ситуации, когда может иметь место сокращение доходов, именно эти товарные категории будут демонстрировать негативные тенденции, то есть их динамику можно рассматривать как индикатор относительного благополучия;

3. кластер Ресурсных регионов имеет низкую долю необязательных расходов: всего их доля около 28%, наименьшая среди всех кластеров доля трат на кафе и рестораны (1,4%), на отдых (5%), на одежду и обувь (6,7%), что подтверждает мысль о вахтовом способе работы, о ориентированности населения на накопление средств;

4. кластеры Выше среднего и Ниже среднего имеют примерно одинаковый уровень необязательных расходов (около 32%);

5. в кластере Ниже среднего преобладает доля расходов на одежду и обувь (8,4% против общероссийского уровня в 7,9%), что также свидетельствует о том, что данный показатель можно рассматривать как критический индикатор благосостояния.

По данным анализа доходов удалось для каждого кластера определить своеобразные маркеры – категории расходов, которые демонстрируют сложившийся образ жизни и предпочтений потребителей. Также в этих предпочтениях прослеживается зависимость от уровня доходов, для регионов с низким уровнем своеобразными предметами роскоши будут продовольственные товары, одежда и бытовая техника, по мере роста доходов люди будут стремиться к повышению расходов на отдых, кафе, образование [Дорофеева, 2019].

Эти выводы подтверждаются статистикой по обеспеченности населения всевозможными товарами длительного пользования (таблица 3).

Наибольшая обеспеченность товарами длительного потребления в Столичном кластере, что объясняется и более высоким уровнем дохода, и высокой склонностью к потреблению. Более того, низкая обеспеченность холодильниками (90,5% относительно общероссийского уровня) подтверждает высокий спрос и объём средств, направляемых на питание в общественных местах и также показывает, что развитый потребительский рынок не требует формировать запасы еды (хранение замороженных продуктов, часто произведённых на дачных участках, что характерно для других регионов России).

Таблица 3 - Обеспеченность товарами длительного пользования для пяти кластеров и наиболее типичных регионов в них в сопоставлении со средним по РФ уровнем

	Телевизоры	Видеокамеры, кинокамеры	Персональные компьютеры	Мобильные телефоны	Музыкальные центры	Холодильники, морозильники	Стиральные машины	Электропылесосы	Микроволновые печи	Посудомоечные машины	Кондиционеры
Российская Федерация	187	14	50	248	28	134	101	96	112	10	25
Ульяновская область	177	12	54	240	34	132	104	92	102	3	12
Сред. значение кластер НИЖЕ СРЕДНЕГО	181,0	12,3	48,7	243,3	24,2	135,8	101,4	94,0	107,9	6,5	16,0
Доля от уровня РФ	96,8	87,9	97,4	98,1	86,4	101,4	100,4	97,9	96,4	64,9	64,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	180	18	61	257	50	131	99	96	104	34	12
Сред. значение кластер РЕСУРСНЫЕ	190,0	14,8	43,4	225,8	24,8	142,2	98,0	87,2	113,4	20,8	6,0
Доля от уровня РФ	101,6	105,7	86,8	91,0	88,6	106,1	97,0	90,8	101,3	208,0	24,0
Карачаево-Черкесская Республика	163	7	34	303	9	126	96	91	77	1	9

	Телевизоры	Видеокамеры, кинокамеры	Персональные компьютеры	Мобильные телефоны	Музыкальные центры	Холодильники, морозильники	Стиральные машины	Электропылесосы	Микроволновые печи	Посудомоечные машины	Кондиционеры
Сред. значение кластер ДЕПРЕССИЯ	136,5	5,3	36,7	306,0	7,3	128,2	96,5	87,8	74,2	3,0	31,2
Доля от уровня РФ	73,0	38,1	73,3	123,4	26,2	95,6	95,5	91,5	66,2	30,0	124,7
г. Санкт-Петербург	217	25	62	240	30	122	102	105	115	24	5
Сред. значение кластер СТОЛИЧНЫЕ	224,0	26,0	56,0	244,7	34,3	121,3	100,3	102,3	118,7	20,7	24,3
Доля от уровня РФ	119,8	185,7	112,0	98,7	122,6	90,5	99,3	106,6	106,0	206,7	97,3
Воронежская область	165	7	61	238	15	144	102	96	119	8	22
Сред. значение кластер ВЫШЕ СРЕДНЕГО	173,7	10,9	48,0	254,4	27,9	137,7	101,0	95,1	111,6	8,7	31,4
Доля от уровня РФ	92,9	78,1	96,0	102,6	99,8	102,8	100,0	99,1	99,7	86,9	125,8

Примечание. Составлено авторами

Наименее обеспечены бытовыми приборами регионы в кластере Депрессия, что обуславливает факт направления излишков средств и накоплений на эту товарную категорию. В высокой степени эти регионы обеспечены только необходимыми для них кондиционерами (124,7%) и мобильными телефонами (123,4%), которые в условиях ограниченных у населения средств в настоящее время могут заменять и телевизор (так как многие операторы предоставляют доступ к телевидению через интернет), и персональный компьютер (проверка почты, работа с документами, банковское обслуживание), и стационарные источники связи, которые затруднительно и дорого прокладывать в районах сельской и горной местности.

Заключение

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что изменение в потребительском спросе, вследствие кризисных явлений, будет отличаться по группам регионов в зависимости от различия их социально-экономического положения.

1. Для кластера Столичных регионов рынок высоко обеспечен товарами длительного пользования, развита разнообразная социальная инфраструктура. При более высоком уровне доходов относительно других кластеров акценты в расходах смещены на сферу услуг (рост расходов на отдых, общественное питание). Очевидно, что коронавирус окажет значительное влияние на данный кластер. С одной стороны, затруднения будут связаны с концентрацией населения. С другой стороны, степень сохранения доступных сейчас услуг будет связана с динамикой доходов населения. В случае более интенсивного их падения будет наблюдаться интенсивный уход с рынка сервисных компаний различного характера. При этом важной чертой данного кластера является возможность иметь дополнительные доходы от сдачи недвижимости

в наём, что будет рассматриваться населением как инвестиционный и демпфирующий падение доходов ресурс.

2. Для Ресурсного кластера с неблагоприятными социальными и природными условиями возможным вектором трансформации может стать наращивание социальной инфраструктуры. При повешении качества жизни и при сохранении высокого уровня заработных плат возникают стимулы закреплению населения здесь. А это, в свою очередь, становится стимулом к росту потребительских расходов. Активное внедрение цифровых технологий позволит снизить издержки и наполнить рынок более дешевыми товарами, что актуально в условиях высоких цен, особенно на товары первой необходимости и обязательные платежи. Параллельно с развитием цифровизации требуются дополнительные вложения в развитие инфраструктуры и сервисов доставки.

3. Кластер Выше среднего наиболее перспективная группа регионов с высокой устойчивостью экономики. В данном кластере высокая доля прочих доходов вбирает в себя результаты активной и масштабной теневой экономической деятельности, серых зарплат. Поэтому важным элементом управления является выработка такой политики, которая бы стимулировала легализацию доходов. Именно это является основой для сохранения благосостояния и социальной защиты в кризисный период, что позволит поддержать относительно высокий уровень потребления.

Регионы обладают достаточно высоким уровнем комфорта и могут привлекать население остальных кластеров. Перспективным является рост рынка сбыта за счет увеличения численности населения, что может привести к диверсификации экономики. Данные регионы могут стать драйверами выхода из кризиса страны в целом. Вектором может быть переход к модели Столичных регионов – развитие сферы услуг, повышению уровня и качества жизни. Однако развитие и построение должно осуществляться уже на новых принципах, учитывающих социальную дистанцию, бесконтактность и т.п. То есть, данные регионы могут стать модельными для выработки новой концепции расселения и организации экономической деятельности, так как, с одной стороны, они обладают достаточной мощной экономикой, а, с другой стороны, в них ещё не накоплены ошибки агломераций, которые присущи регионам Столичного кластера.

5. Для самого многочисленного кластера Ниже среднего основной проблемой является отсутствие рабочих мест и низкий уровень оплаты труда, что стимулирует население к переезду. В регионах остается преимущественно пожилое население и те, кто получают социальные выплаты. Доля таких доходов в данном кластере достигает четверти. В целом для регионов характерно снижение потребительской активности, концентрации всех расходов на самом основном (продовольствии, услугах ЖКХ, товарах для дома, одежде). В кризис состояние потребительского рынка в значительной мере будет зависит от государственной политики в сфере социальных выплат и поддержке населения. В широком смысле для преодоления системного кризиса требуется формировать рабочие места и поднимать уровень заработных плат.

6. Кластер Депрессивных регионов объединяет в себе регионы с наименее благоприятной социально-экономической обстановкой. В кластере наблюдается крайне низкий уровень потребительских расходов около 40% от средних показателей по РФ. Доля социальных выплат и прочих доходов составляет до половины всех доходов. Поэтому основные потребительские траты идут на товары первой необходимости и продукты питания. При этом кластер обладает потенциалом к росту численности населения за счет повышения уровня рождаемости,

соответственно при низких доходах населения потребление будет сконцентрировано на продуктах первой необходимости и товарах для детей.

Библиография

1. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Метод кластеризации регионов РФ с учетом отраслевой структуры ВРП // Прикладная эконометрика. 2016. № 1 (41). С. 24-46.
2. Александрова Е. А., Верховская О. Р. Мотивация предпринимательской активности: роль институциональной среды. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2016. № 3. С. 107-138.
3. Анисимова Н. Эксперты предсказали рекордный рост мирового долга на фоне коронавируса. // Аналитический порта «Банки.ру». 2020. URL: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10921741> (дата обращения: 14.05.2020).
4. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ., 4-е изд. М.: Дело Лтд., 1994. 720 с.
5. Волобуев А. Вирусный аффект: COVID-19 обойдется аэропортам в 60 млрд рублей. // Газета «Известия». 2020. URL: <https://iz.ru/989502/aleksandr-volobuev/virusnyi-affekt-covid-2019-oboidetsia-aeroportam-v-60-mlrd-rublei> (дата обращения 14.05.2020).
6. Дорофеева Л. В. Продовольственная безопасность регионов России // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях: Сборник научных трудов III международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23-24 января 2019 г. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 326-328.
7. Зубаревич Н. В. Регионы и города России: Сценарии 2020. // Центр гуманитарных технологий. 2011. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5960> (дата обращения: 07.05.2020).
8. Карта кредитной и сберегательной активности домохозяйств РФ // Общероссийский народный фронт. Проект «За права заёмщиков». 2020 URL: <http://zapravazaemshikov.ru/map/> (дата обращения: 04.05.2020).
9. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во Прогресс, 1978. 494 с.
10. Лунякова Н. А., Лаврушин О. И., Луняков О. В. Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню депозитного риска. // Экономика региона. 2018. № 14 (3). С. 1046-1060.
11. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения. М.: Директ-Медиа, 2007. 461 с.
12. Марченко Е. М., Белова Т. Д. Кластеризация регионов с учетом показателей энергоэффективности. // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 1 (424). С. 51-60.
13. Ниворожкина Л. И., Торопова Т. В. Сколько сберегают российские домохозяйства: статистическое тестирование гипотезы абсолютного дохода Дж. Кейнса // Финансовые исследования. 2015. № 2 (47). С. 30-35.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. М., Росстат, 2019. 1204 с.
15. Рейтинг регионов по уровню закредитованности населения // Информационное агентство «РИА НОВОСТИ». 2019. URL: <https://ria.ru/20191223/1562487414.html> (дата обращения: 30.04.2020).
16. Цегоев В., Иванов В. «Надутая экономика»: почему мировой долг достиг рекордных \$253 трлн. // Информационное агентство «Россия Сегодня». 2020. URL: <https://russian.rt.com/business/article/707558-mirovoi-dolg-rekord> (дата обращения: 27.04.2020).
17. Югай Т. А. Тернистый путь монетаризма: к столетию Милтона Фридмана. // Статистика и экономика. 2012. № 3. С. 102-108.
18. 40 миллионов безработных в США – печальный рекорд // Информационно-аналитический портал «БКС-Экспресс». 2020. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/v-ssha-za-10-nedel-za-posobiem-obratilis-bolee-40-mln-bezrabotnykhhttps://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/v-ssha-za-10-nedel-za-posobiem-obratilis-bolee-40-mln-bezrabotnykh> (дата обращения: 27.04.2020).
19. Friedman M. A. A Theory of Consumption Function. 1957. URL: <https://b-ok.cc/book/688357/c6cd3f> (дата обращения: 27.04.2020).
20. Household debt, loans and debt securities // The International Monetary Fund. 2020. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/HH_LS@GDD/CAN/GBR/USA/DEU/ITA/FRA/JPN/ALB (дата обращения: 25.04.2020).
21. Modigliani F. Life Cycle, Individual Thrift, and the Wealth of Nations // American Economic Review. 1986. № 76 (3). P. 297-313.
22. Roslyakova N., Prokopyev E., Kurilo A., 2019. The Dynamics of Household Savings in Foreign Currency in the Russian Border Regions under the External Shocks Impact // The 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA) 13-14 November 2019. Madrid: IBIMA, 2019. P. 3752-3761. DOI: <http://doi.org/10.34981/Lab-67.2019.ibima.34.3752-3761>
23. Russkova E.G., Mitrofanova I. V., Vatyukova O. Yu., Ivanov N. P., Batmanova V. V. Structural Changes in the GDP of Russia in 1995-2015: Sectoral Approach. // Regional and Sectoral Economic Studies. 2017. Vol. 17-1. P. 39-54.

The coronacrisis and transformation of consumer demand in the Russian regions

Natalia A. Roslyakova

PhD in Economics, Scientific Researcher,
V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
117997, Profsoyuznaya Street, 65, Moscow, Russian Federation;
e-mail: roslyakovaNA@gmail.com

Inna V. Mitrofanova

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Chief Researcher,
Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre
Southern Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences (SSC RAS);
344006, 41, Chekhov Street, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Professor, Department of Economic Theory, World and Regional Economics,
Volgograd State University,
400062, 100, Prosp. Universitetsky, Volgograd, Russian Federation
e-mail: mitrofanova@volsu.ru

Ludmila V. Dorofeeva

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of public and municipal management,
North-Western Institute of management, RANEPa,
199178, Sredny prospect VO, 57/43, Saint-Petersburg, Russian Federation,
e-mail: dorofeevalucy@gmail.com

Abstract

The crisis that broke out in connection with a new coronavirus infection (COVID 19) dramatically changed the usual course of life. Mobility was limited both in the broad sense associated with business and tourist trips, and in the narrow sense, the need for self-isolation narrowed the habitat of the modern citizen to a trip to the nearest store. Already, there are significant changes in the nature of the functioning of the urban economy.

The purpose of this work is to analyze the current demand trends in the regions of Russia and assess their transformations during the crisis period, taking into account regional characteristics. To do this, it is necessary to characterize the current trends in the socio-economic development of Russian regions; to determine the factors most susceptible to the effects of crisis transformations, including those associated with the «coronacrisis»; to identify possible ways to improve socio-economic trends.

As a result of clustering, it was identified five groups of regions, different in size, which received

symbolic names: Below average (cl. 1), Metropolitan (cl. 2), Depressed (cl. 3), Resource (cl. 4) and Above average (cl. 5). Based on the analysis, it was concluded that regions significantly differ in clustering parameters and have different trends and territorial proportions. In particular, were identified benchmarks product categories for each cluster. Through these benchmarks it is possible to track changes in consumer trends in the regions. Also identified sources that can help stabilize the level of income of the population. In general, it is proved that the spread of COVID-19 and the restrictions associated with it significantly changes life and the vectors of restoration of previous consumption processes are associated with the development of the digital sphere, social and transport infrastructure.

For citation

Roslyakova N. A., Mitrofanova I. V., Dorofeeva L. V. (2020) Koronakrizis i transformacija potrebitel'skogo sprosa v regionah Rossii [The coronacrisis and transformation of consumer demand in the Russian regions]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (5A), pp. 448-468. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052

Key words

Regions of Russia, coronavirus, clustering, consumer models, socio-economic trends, socio-economic transformations, income of the population, expenditures of the population

References

1. Ajvazjan S. A., Afanas'ev M. Ju., Kudrov A. V. (2016). Metod klasterizacii regionov RF s uchedom otraslevoj struktury VRP [Clustering methodology of the Russian Federation regions with account of sectoral structure of GRP]. *Prikladnaja jekonometrika* [Applied Econometrics], no. 1 (41), pp. 24-46.
2. Aleksandrova E. A., Verhovskaja O. R. (2016). Motivacija predprinimatel'skoj aktivnosti: rol' institucional'noj sredy [Motivation of entrepreneurial activity: the role of institutional environment]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment* [Bulletin of St. Petersburg University. Management.], no. 3, pp. 107-138.
3. Anisimova N. (2020). Jeksperty predskazali rekordnyj rost mirovogo dolga na fone koronavirusa [Experts predicted a record increase in global debt on the background of the coronavirus]. *Analiticheskij portal* [Analytical portal] «Banki.ru». URL: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10921741> (accessed 14 April 2020).
4. Blaug M. (1994). *Jekonomicheskaja mysl' v retrospective* [Economic theory in retrospect]. Moscow, Delo Ltd. 720 p.
5. Volobuev A. (2020). Virusnyj affekt: COVID-19 obojdet'sja ajeroportam v 60 mlrd rublej [Viral affect: COVID-19 will cost airports 60 billion rubles]. *Gazeta «Izvestija»* [«Izvestija» newspaper]. URL: <https://iz.ru/989502/aleksandr-volobuev/virusnyi-affekt-covid-2019-oboidetsia-aeroportam-v-60-mlrd-rublei> (accessed 14 May 2020).
6. Dorofeeva L. V. (2019). Prodovol'stvennaja bezopasnost' regionov Rossii [Food security of Russian regions]. *Strategii razvitiya predprinimatel'stva v sovremennykh usloviyakh: Sbornik nauchnykh trudov III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 23-24 yanvarja 2019 g* [Strategies for the development of entrepreneurship in modern conditions: Collection of scientific papers of the III international scientific and practical conference, St. Petersburg, January 23-24, 2019]. St. Petersburg : Publishing House of SPbGEU, pp. 326-328.
7. Zubarevich N. V. (2011). Regiony i goroda Rossii: Scenarii 2020 [Regions and cities of Russia: Scenarios 2020.]. *Centr gumanitarnyh tehnologij* [Center for humanitarian technologies]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5960> (accessed 07 May 2020).
8. Karta kreditnoj i sberegatel'noj aktivnosti domohozjajstv RF (2020) [Card credit and savings activity of households of the Russian Federation]. *Obshherossijskij narodnyj front. Proekt «Za prava zajomshhikov»* [All-Russian people's front. Project «For the rights of borrowers»]. URL: <http://zapravazaemshhikov.ru/map/> (accessed 04 May 2020).
9. Keynes J. M. (1978). *Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg* [The general theory of employment, interest, and money]. Moscow, Progress. 494 p.
10. Lunjakova N. A., Lavrushin O. I., Lunjakov O. V. (2018). Klasterizacija regionov Rossijskoj Federacii po urovnju depozitnogo riska [Clustering of the Federal Subjects of the Russian Federation by Deposit Risk Level]. *Jekonomika regiona* [Economy of the region], no. 14 (3), pp. 1046-1060.
11. Malthus T. R. (2007). *Opyt o zakone narodonaselenija* [Essay on the Principle of Population]. Moscow, Direkt-Media. 461 p.
12. Marchenko E. M., Belova T. D. (2016). Klasterizacija regionov s uchedom pokazatelej jenergojeffektivnosti [Clustering

- of regions taking into account the energy efficiency]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 1 (424), pp. 51-60.
13. Nivorozhkina L. I., Toropova T. V. (2015). Skol'ko sberegajut rossijskie domohozjajstva: statisticheskoe testirovanie gipotezy absoljutnogo dohoda J. Keynes [How much to save Russian households: statistical testing of the hypothesis of absolute income J. Keynes]. *Finansovye issledovanija* [Financial research], no. 2 (47), pp. 30-35.
 14. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli* (2019) [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Moscow, Rosstat. 1204 p.
 15. Rejting regionov po urovnju zakreditovannosti naselenija (2019) [Rating of regions by the level of creditworthiness of the population]. *Informacionnoe agentstvo* [News Agency] «RIA NOVOSTI». URL: <https://ria.ru/20191223/1562487414.html> (accessed 30 April 2020).
 16. Cegoev V., Ivanov V. (2020). «Nadutaja jekonomika»: pochemu mirovoj dolg dostig rekordnyh \$253 trln. ["Inflated economy": why the world debt reached a record \$253 trillion] *Informacionnoe agentstvo «Rossija Segodnja»* [Russia Today News Agency]. URL: <https://russian.rt.com/business/article/707558-mirovoi-dolg-rekord> (accessed 27 April 2020).
 17. Jugaj T. A. (2012). Ternistyj put' monetarizma: k stoletiju Milтона Fridmana [Thorny way of the monetarism: on the occasion of the centenary of Milton Friedman]. *Statistika i jekonomika* [Statistics and Economics], no. 3, pp. 102-108.
 18. 40 millionov bezrabotnyh v USA – pechal'nyj record (2020) [40 million unemployed in the United States – a sad record]. *Informacionno-analiticheskij portal «BKS-Jekspress»* [Information and analytical portal «BCS-Express»]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/v-ssha-za-10-nedel-za-posobiem-obratilis-bolee-40-mln-bezrabotnykh> (accessed 27 April 2020).
 19. Friedman M. A. (1957). *A Theory of Consumption Function*. URL: <https://b-ok.cc/book/688357/c6cd3f> (accessed 27 April 2020).
 20. Household debt, loans and debt securities (2020). *The International Monetary Fund*. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/HH_LS@GDD/CAN/GBR/USA/DEU/ITA/FRA/JPN/ALB (accessed 25 April 2020).
 21. Modigliani F. (1986). Life Cycle, Individual Thrift, and the Wealth of Nations. *American Economic Review*, no. 76 (3), pp. 297-313.
 22. Roslyakova N., Prokopyev E., Kurilo A. (2019). The Dynamics of Household Savings in Foreign Currency in the Russian Border Regions under the External Shocks Impact. *The 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA) 13-14 November 2019*. Madrid: IBIMA. pp. 3752-3761. DOI: <http://doi.org/10.34981/Lab-67.2019.ibima.34.3752-3761>.
 23. Russkova E.G., Mitrofanova I. V., Vatyukova O. Yu., Ivanov N. P., Batmanova V. V. (2017). Structural Changes in the GDP of Russia in 1995-2015: Sectoral Approach. *Regional and Sectoral Economic Studies*, vol. 17-1, pp. 39-54.